

В табл. 1 -2 представлены результаты обработки ответов респондентов на вопросы, входящие в индекс РИПН, за период исследования (с полугодовым интервалом). На рис. 1 приведена диаграмма, позволяющие оценить колебания индексов, входящих в РИПН, за весь период наблюдений (более трех лет).

В целом, полученные результаты, относящиеся к анализу основных закономерностей, характеризующих социальное самочувствие и потребительские настроения населения крупнейших городов Волгоградской области, могут быть сформулированы в следующих предложениях:

1. Без видимых объективных причин показатели социального самочувствия заметно снизились. Объяснения данного факта могут быть разные, надеемся, что последующие замеры прояснят данную ситуацию.
2. Значительное падение индекса покупательской активности в марте 2011 года связано, в первую очередь, со значительным увеличением доли жителей, уверенных, что материальное положение их семьи стало хуже, чем было год назад.
3. К числу негативных тенденций может быть также отнесено снижение показателей социального оптимизма, как краткосрочного, так и долгосрочного. В марте 2011 года 42 % опрошенных (против 35 % в январе) выразили уверенность в том, что жизнь большинства россиян за ближайший год ухудшится.

6. Беляева, Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации.// Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 33–42.
7. Бурко, А. А. Интерпретация показателя «Социальное самочувствие».//Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». – СПб.: Изд-во «Скифия», 2000. – С. 56.
8. Маслова, Т. Ф. Социальное самочувствие как показатель социокультурной интеграции.// Социальное самочувствие населения в современной России: Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (4–5 октября 2010 г., г. Ставрополь).– Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. –С. 131–134.
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка.– М.: Русский язык, 1988. – 750 с.
10. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. //Национальный общественно-научный фонд. – М.: Мысль, 2003. – 863 с.

***

Мақалада «Волгоградский Омнибус» зерттеу проектісін жүзеге асыру барысында алынған нәтижелер берілген. Волгоград облысының үш ірі қалаларының әлеуметтік өздерін сезінулері көрсеткішінің өзгерістері, сонымен қатар тұрғындардың тұтынушы көңіл-күйі көрсетілген.

***

In article the results received during realization of the research project «Volgograd Omnibus» are presented. Changes of indicators of social state of health of inhabitants of three largest cities of the Volgograd region, and also an index of consumer moods of the population are considered.

Н. В. Дулина, В. В. Токарев, Цэцэнбилег Цэвээний

ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИКАХ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ И МОНГОЛИИ (по итогам социологического исследования)

В ноябре 2008 года независимые социологические компании, работающие в российских регионах и входящие в Ассоциацию региональных социологических центров «Группа 7/89», запустили инициативный исследовательский проект «Межрегиональный индекс кризисного сознания» (МИКС). В России первая волна исследования была проведена в ноябре–декабре 2008 года, вторая – в марте 2009 года, третья, заключительная волна проекта, – в октябре 2009 года. Технические параметры третьей волны исследования следующие. Генеральная совокупность (объект исследования) - население в возрасте старше 18 лет. Выборка:

квотируемая, репрезентирующая генеральную совокупность по полу и возрасту. На всех территориях, а география исследования – это 18 регионов страны, опросы проходили по репрезентативным выборкам. Общий объем информационного массива третьей волны – 8045 единиц (анкет). Исследование во всех регионах проводилось по сопоставимым методикам.

Монголия присоединилась к проекту в октябре 2009 года. Опрос прошел в октябре – ноябре 2009 года, всего в ходе исследования было опрошено 645 респондентов, половина из них – это жители Улаанбаатара, другая половина – население других, в основном сельских, поселений. Время проведения опроса, как несложно заметить, пришлось на период мирового экономического кризиса. Понятно, что такое совпадение не случайно, участники проекта полагали, что кризис, пусть даже самый длительный, когда-нибудь да закончится, а в наше динамичное время любой кризис – это вообще очень быстро «исчезающая натура». Но именно во время экстремальных (кризисных) ситуаций проявляются с особой отчетливостью интересы, принципы людей, их устремления становятся более «зримыми», осязаемыми. Заметным становится и то «множество мелких черт», которые по замечанию Д. А. Хомякова, характеризуют «взгляд народа на те или иные вопросы, выясняют так называемую народную психологию, отличая один народ от другого» (цит. по: [13, с. 141]). Общей целью реализации проекта (и в России, и в Монголии) стало определение закономерностей адаптации различных социальных групп к последствиям экономического кризиса. Объем и качество полученных в ходе исследования данных оказался вполне достаточным для того, чтобы анализировать и сравнивать между собой модели поведения и формы адаптации к кризису, которые «проявились» в ответах жителей обеих стран.

В данной статье мы представим результаты обработки данных, полученных в третьей волне исследования МИКС по России, и результаты осеннего опроса населения Монголии. Напомним, что методика и инструментарий исследования разработаны таким образом, чтобы обеспечить сопоставимость результатов, полученных на разных территориях. Основные социально-демографические характеристики участников опроса обеих сторон – России и Монголии – приведены в табл. 1.

Таблица 1

**Социально-демографические характеристики
участников исследования, %%**

	Россия	Монголия
Пол		
(1) Мужчины	45%	45%
(2) Женщины	55%	55%
Общий итог	100%	100%
Возраст		
(1) От 18 до 24 лет	15%	20%
(2) От 25 до 34 лет	19%	27%
(3) От 35 до 44 лет	19%	25%
(4) От 45 до 54 лет	19%	17%
(5) От 55 до 64 лет	14%	8%
(6) 65 лет и старше	14%	2%
Общий итог	100%	100%
Образование		
(1) Среднее и ниже	24%	40%
(2) Среднее специальное	35%	15%
(3) Высшее	41%	45%
Общий итог	100%	100%

Понятно, что в рамках одной статьи невозможно показать все результаты столь масштабного исследования, поэтому мы обратимся лишь к двум моментам, характеризующим различия в поведении жителей России и Монголии, обусловленные, как нам представляется, культурными особенностями стран.

Итак, первая группа вопросов исследования была направлена на выявление общих показателей социального самочувствия населения. Существует достаточно много определений того, что же такое социальное самочувствие. Мы разделяем точку зрения, согласно которой «социальное самочувствие воспроизводит степень объективного соответствия существующих социальных условий потребностям и интересам личности (группы). Уровень этого соответствия находит отражение в эмоционально-оценочном состоянии индивидов по отношению к окружающей социальной реальности и своему месту в нем» [8, с. 131].

Одним из показателей социального самочувствия является социальная удовлетворенность жизнью – «обобщенная в сознании индивида совокупность его восприятия и оценки условий своей социальной жизни, качества жизни. Степень социальной удовлетворенности может меняться в диапазоне: “высокая” – “низкая” – “неудовлетворенность”» [10, с. 676]. Известно, что высокая социальная удовлетворенность является важной предпосылкой для развития социальной системы в целом, а также для сохранения ее стабильности.

В рамках нашего исследования для измерения социальной удовлетворенности респондентам был задан вопрос: «Скажите, в целом Вы удовлетворены или не удовлетворены жизнью, которую Вы ведете в настоящее время?». Как свидетельствуют данные опроса (см. табл. 2), чуть больше половины россиян (51 %) заявили, что они в той или иной степени удовлетворены своей жизнью (альтернативы «вполне удовлетворен» «скорее удовлетворен»), в то время как в Монголии такое мнение разделили только 41 % опрошенных (см. табл. 2).

Таблица 2

Социальная удовлетворенность респондентов, %%

Формулировка вопроса, варианты ответа	Россия	Монголия
Скажите, в целом Вы удовлетворены или не удовлетворены жизнью, которую Вы ведете в настоящее время?		
Вполне удовлетворен	18%	10%
Скорее удовлетворен	33%	31%
Скорее не удовлетворен	32%	41%
Совершенно не удовлетворен	14%	12%
Затрудняюсь ответить	3%	6%
Общий итог	100%	100%
Как бы Вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение Вашей семьи?		
Очень хорошее	1%	3%
Хорошее	13%	26%
Среднее	61%	57%
Плохое	21%	13%
Очень плохое	3%	1%
Затрудняюсь ответить	1%	0%
Общий итог	100%	100%
Как Вы полагаете, Ваше (Вшей семьи) нынешнее материальное положение улучшилось, ухудшилось, или осталось примерно таким же, каким оно было год назад?		

Определенно, ухудшилось	17%	5%
Немного ухудшилось	28%	17%
Осталось таким же	41%	53%
Немного улучшилось	10%	15%
Определенно улучшилось	3%	2%
Трудно сказать, не знаю	2%	9%
Общий итог	100%	100%

Следующий вопрос интервью был предложен респондентам в формулировке: «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение Вашей семьи?» (см. табл. 2). При самооценке материального положения (собственного или своей семьи) респонденты обеих стран чаще всего выбирали вариант ответа «среднее»: от 57 % в Монголии до 62 % в России. Однако, респонденты из Монголии в два раза чаще (29 % против 14 %) определяли свое материальное положение как очень хорошее или хорошее. А вот респондентов, недовольных своим материальным положением, в России оказалось значительно больше (24 %), чем в Монголии (14 %). Сравнение данных приводит к парадоксальному выводу: россияне демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности своей жизнью, но при этом значительно в большей степени озабочены своим материальным положением, чем монголы.

Для измерения перспективного (прогнозируемого) социального самочувствия населения в бланк интервью были включены следующие вопросы (см. табл. 3). Ответы респондентов заставляют серьезно задуматься, поскольку разницу в процентах нельзя объяснить только погрешностью выборки.

Таблица 3

Прогнозируемое социальное самочувствие участников опроса, %%

Формулировка вопроса, варианты ответа	Россия	Монголия
Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше (Вашей семьи) материальное положение улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?		
Ухудшится	19%	8%
Останется таким же	43%	26%
Улучшится	24%	22%
Трудно сказать, не знаю	14%	44%
Общий итог	100%	100%
Как Вы думаете, материальное положение большинства жителей страны (России, Монголии) в эти 12 месяцев: улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?		
Ухудшится	27%	16%
Останется такой же	37%	27%
Улучшится	17%	18%
Трудно сказать, не знаю	19%	39%
Общий итог	100%	100%
А как Вы полагаете, в ближайшие 5 лет материальное положение большинства жителей страны (России, Монголии) в целом улучшится, ухудшится или останется прежним?		
Ухудшится	14%	12%
Останется таким же	24%	21%
Улучшится	33%	23%

Трудно сказать, не знаю	29%	44%
Общий итог	100%	100%

На момент проведения исследования преобладающий способ оценки россиянами будущего уровня жизни можно сформулировать в следующих предложениях: «в ближайшем будущем мое положение не изменится, у большинства населения – тоже (хотя вероятность ухудшения выше, чем у меня), но через пять лет у большинства произойдут положительные изменения» (см. ячейки в таблице, выделенные рамками). Опять парадокс: оптимизм россиян фиксируют их ответы, но почти четверть опрошенных (24 %) на момент исследования были не довольны своим материальным положением. Очень напоминает ситуацию, отмеченную российскими учеными: «происходит не трансформация ценностей, а их уничтожение. Идет замена ценности на цену» [15, с. 148].

Если при сравнении данных не учитывать альтернативу «трудно сказать, не знаю», то и среди жителей Монголии такой («русский») способ оценки можно было назвать так же преобладающим. Но монголы в значительно меньшей степени, чем россияне, полагают, что в ближайшей перспективе (в течение года) их материальное положение или материальное положение большинства сограждан заметно ухудшится. На перспективу в 5 лет мнения жителей обеих стран, можно сказать, совпадают. Но при сравнении данных, приведенных в табл. 3, не заметить значительной разницы при выборе альтернативы «трудно сказать, не знаю» россиянами и монголами просто не возможно.

Таблица 4

Готовность респондентов принять на себя или переложить ответственность за свое материальное положение, %%

Формулировка вопроса, варианты ответа	Россия	Монголия
Как Вы полагаете, в настоящее время от чего в большей мере зависит Ваше материальное положение: от Вас самого или не зависящих от Вас внешних причин?		
В основном не зависящие обстоятельства	22%	7%
В большей мере не зависящие обстоятельства	14%	4%
В равной мере от меня и от не зависящих обстоятельств	23%	34%
В большей мере от меня самого	15%	17%
В основном от меня самого	22%	19%
Затрудняюсь ответить, не знаю, не понял вопроса	4%	19%
Общий итог	100%	100%

Таблица 5

Оценка деятельности руководства региона по преодолению последствий кризиса, %%

Формулировка вопроса, варианты ответа	Россия	Монголия
Как Вы думаете, способствует ли деятельность руководства нашего региона преодолению последствий кризиса в области (республике, крае)?		
Определенно, не способствует	12%	16%
Пожалуй, не способствует	13%	16%
Трудно сказать, в чем-то способствует, в чем-то нет	26%	29%
Пожалуй, способствует	21%	6%
Определенно способствует	11%	1%
Никак не влияет	6%	30%
Затрудняюсь ответить, не знаю	13%	3%
Общий итог	100%	100%

В какой-то мере различие в ответах можно прояснить, если посмотреть ответы респондентов на вопрос: «Как Вы полагаете, в настоящее время от чего в большей мере зависит Ваше материальное положение: от Вас самого – Ваших собственных усилий, квалификации, трудолюбия – или не зависящих от Вас внешних причин (общей ситуации в стране, мире, случайного стечения обстоятельств, удачи, начальства, чиновников и пр.)?» (см. табл. 4). Количество людей, готовых принять ответственность за свое материальное положение на себя самого в обеих странах оказалось приблизительно одинаковым (37 % в России и 36 % в Монголии). А вот количество людей, уверенных в обратном (что все определяется внешними причинами и не зависит от них самих) в России оказалось в три с лишним раза больше, чем в Монголии (36 % против 11 %). В данном случае граница культурных различий становится еще более очевидной. Сошлемся на уже цитируемого выше Д. А. Хомякова, который утверждал: «Но из основных политических понятий, разным народам свойственных, едва ли есть другое, более радикально отличающее народы друг от друга, как понятие о высшей власти» (цит. по: [13, с. 141]). Взоры россиян обращены в сторону власти гораздо в большей степени, чем среди жителей Монголии (см. табл. 5): то, что власть никак не влияет на преодоление последствий кризиса уверены 6 % россиян, в то время как среди жителей Монголии такого мнению придерживаются 30 % опрошенных.

Результаты выполненного исследования лишней раз подтвердили, что «прошлое и будущее не существуют сами по себе как полностью автономные пространства; они слиты в потоке времени, стянуты берегами истории, объединены единым субъектом исторического действия – человеком. Разделяют же историческое время на крупные сегменты (зоны) меняющийся строй ума, большие смыслы судеб людей, различным образом толкуемые ими цели бытия» [12, с. 131]. Из кризиса люди вышли другими, приобрели новый уникальный опыт, преодоления себя и внешних обстоятельств. А то, как теперь они «толкуют цели бытия», покажет время. Пока же результаты исследования подтверждают, что россияне в большей степени разделяют ценности служебно-домашней цивилизации, которая развивалась в России в течение ряда столетий (в том числе и в советское время).

11. Маслова, Т. Ф. Социальное самочувствие как показатель социокультурной интеграции / Т. Ф. Маслова // Социальное самочувствие населения в современной России: Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (4–5 октября 2010 г., г. Ставрополь) / Отв. ред. Г. Д. Гриценко. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – С. 131–134.
12. Неклесса, А. И. Господин воздуха. // Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 131–143.
13. Романович, Н. А. Концепция единовластия в общественном сознании (традиции, социокультурные основания). // Социологические исследования. – 2010. – № 9. – С. 141–147.
14. Социологическая энциклопедия: В 2 тт. Т. 2. // Национальный общественно-научный фонд. – М.: Мысль, 2003. – 863 с.
15. Цапко, М. С., Колосова, Е. А. Интеллигенция и идеалы российского общества. // Социологические исследования. – 2010. – № 9. – С. 148–149.

***

Талдау пәні ретінде мақалада Ресей және Монғолия тұрғындарының әлеуметтік қанағаттану деңгейі, өз жетістігі үшін жауапкершілік алуға дайындық деңгейі, сонымен қатар билікке деген қатынасының көріну ерекшелігі қарастырылады. Көрсетілген сұрақтар бойынша адамдардың талқылау сипаты дағдарысқа бейімделудің формалары мен мінез-құлық модельдері туралы қорытынды жасауға мүмкіндік береді.

***

An analysis of the features of public consciousness defining models of behavior of inhabitants of Russia and Mongolia is presented. Specific distinctions of models of behavior developed at Russians and inhabitants of Mongolia and forms of their adaptation to crisis are revealed.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ПСИХОЛОГИЯ

1. Панов В.И. – чл. корр. РАО, доктор психологических наук, зав. лабораторией эконпсихологии развития Психологического института РАО, г. Москва
2. Мадалиева З.Б. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета педагогики и психологии университета «Кайнар»
3. Джакупов С.М. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
4. Ахтаева Н.С. – доктор психологических наук, доцент кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
5. Кукубаева А.Х. – доктор психологических наук, заведующая кафедрой педагогики и психологии Академии «Көкше», г.Кокшетау
6. Satybalдина N.K. – кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
7. Камзанова А.Т. – Ph.D докторант кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
8. Джакупов С.М. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
9. Кустубаева А.М. – кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
10. Жолдасова М.К. – Ph.D докторант кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
11. Мирзоева С.С. – старший преподаватель кафедры психологии Бакинского Государственного Университета, Азербайджан
12. Садуова С.П. – магистрант 2 курса кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
13. Толегенова А.А. – Ph.D доктор, старший преподаватель кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
14. Токсанбаева Н.Қ. – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
15. Болтаева Ә.М. – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
16. Қалымбетова Э.К. – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
17. Хадырбаева И.Е. – магистрант 1 курса кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
18. Махамбетова А.Б. – магистрант 2 курса кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
19. Жанабекова Г.Ж. – магистрант 2 курса кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
20. Ташимова Ф.С. – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
21. Байкожа Б.С. – магистрант 2 курса кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
22. Жұбаназарова Н.С. – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
23. Абдрахманова Б.Т. – магистрант 2 курса кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби
24. Таирова Н.Н. – магистрант 2 курса кафедры общей и этнической психологии КазНУ им. аль-Фараби